

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ДЕМАГОГИЧЕСКИЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

*(По поводу статьи американского историка Ричарда Пайпса
«Мусульмане Советской Средней Азии: тенденции и перспективы»¹)*

Статья Ричарда Пайпса, посвященная анализу современного состояния и перспектив национального развития населения Советской Средней Азии, имеет внешний облик серьезного научного труда. Это впечатление создает и имя автора, ведущего работу в таком известном научном учреждении США, как Гарвардский университет, и название статьи, претенциозное, но интересное, и ее стройная структура, и ссылки на некоторые русские издания — дореволюционные и советские (правда, в числе последних преимущественно фигурируют справочные издания — БСЭ, статистические сборники и т. п.).

Однако с первых же строк читателя постигает разочарование: оказывается, автор умышленно игнорировал всю столь богатую современную научную литературу (советскую и зарубежную) по истории и этнографии народов Средней Азии, — она оказалась неподходящей для его «исследовательских» целей. Он подверг сомнению ее достоверность и решил привлечь источники совершенно иного порядка, видимо, более для него удобные. «Ввиду крайнего недостатка в надежных, объективных опубликованных материалах, относящихся к обитателям современной Средней Азии, — пишет Р. Пайпс, — при исследовании пришлось по необходимости обращаться к источникам информации не совсем обычным, в том числе к свидетельствам эмигрантов из этих областей» (ч. 1, стр. 147).

Далее автор сообщает, что при содействии некоторых американских научных институтов и обществ он опросил более 30 эмигрантов-«мусульман» из СССР, большая часть которых — уроженцы Средней Азии. При этом, однако, о национальности своих информаторов Ричард Пайпс умалчивает: как истый приверженец концепций панисламизма он все население среднеазиатских республик именует лишь «мусульманами».

Темны биографии лиц, с помощью которых Ричард Пайпс решил «беспристрастно» определить будущее советских социалистических наций Средней Азии. Автор говорит, что все эти лица ушли из СССР в период войны с германским фашизмом, будучи военнопленными или рабочими трудовых лагерей. Но в дальнейшем в тексте статьи то и дело проскальзывают дополнительные сведения о политическом прошлом информаторов Пайпса. Многие из них до приезда в США жили по несколько лет в Германии и Турции; другие сообщают сведения о германских концентрационных лагерях, из которых военнопленные-«мусульмане» освобождались для организации из них особых отрядов, выступавших во главе с немецкими офицерами против Советской Армии; некоторые проявляют засвидетельствованное личным опытом знакомство с деятельностью басмаческих банд в период коллективизации в Средней Азии и т. д. Однако как ни странно, Р. Пайпса нисколько не смущают эти характерные черточки биографий: сведения, записанные из уст озлобленных, враждебных советскому строю предателей родины его вполне устраивают, и именно их он считает более «объективными», чем данные специальной научной литературы.

Задачу своего исследования автор излагает в соответствии со своим исходным тезисом о национальном гнете, который якобы испытывает население Средней Азии

¹ Richard Pipes, Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects, «The Middle East Journal», Washington, part I, vol. 9, No. 2, spring 1955; part II, vol. 9, No. 3, summer 1955.

в условиях советского строя. Этот тезис, как известно, не блещет ни причастностью к науке, ни новизной: нелепые измышления о «насилиях» и «гнете коммунистов» над народами Советского Союза не сходят со страниц реакционной заокеанской прессы, изолирующей в политических выпадах против СССР. Но у Пайпса этот тезис фигурирует в новой роли — как отправное положение для «теоретических» прогнозов, строящихся на противопоставлении народов Средней Азии русскому народу.

Все будущее «мусульман» Советской Средней Азии, по мнению Пайпса, зависит от силы и устойчивости их сопротивления руссификации, которая будто бы активно осуществляется Советским правительством.

Любопытна сама постановка вопроса в статье: если жители Средней Азии уже теперь постепенно теряют свои этнические особенности и ассимилируются, поглощаясь великорусским населением или растворяясь (?) в новых, «советских нациях» (кавычки Р. Пайпса, не признающего эти нации), то можно ожидать, по мнению автора, что Средняя Азия со временем совершенно сольется с русской частью СССР. Если же местное население противопоставит «иноземному гнету» и все же сохраняет свой этнический и культурный облик, то Средняя Азия будет постепенно отделяться от остальной советской территории и станет на путь политического обособления.

Такова якобы альтернатива. Лишь эти два пути национального развития народов Средней Азии видит Пайпс; он сознательно закрывает глаза на реальный факт существования совершенно иного пути развития и расцвета государственности, экономики, общественного строя и национальной культуры этих народов в братской семье равноправных и суверенных социалистических республик Советского Союза, пути, предначертанного ленинской национальной политикой Коммунистической партии и Советской власти.

Как бы там ни было, автор, определив свои задачи, приступает к исследованию. При этом он с легкостью, поистине удивительной для ученого-историка, создает нужную для своих «построений» произвольную, абстрагированную от действительности ситуацию. Для него не существует ни народов Средней Азии, завершающих многовековой процесс своего этнического развития в социалистических нациях, ни могучих государств — индустриально-аграрных республик Средней Азии: аморфная и безликая масса «мусульман», живущая в отсталой стране, степная часть которой и поныне якобы населена кочевниками, насильственно переведенными в процессе коллективизации на оседлость, но стремящихся к прежней кочевой жизни; обнищавшее и угнетенное население земледельческих областей «Туркестана»; продолжение Советским государством начатой еще царской Россией колониальной политики — вот основные из абсурдных небылиц, на фоне которых ведет свое дамагогическое повествование Ричард Пайпс.

Главными критериями для определения тенденций развития культуры «мусульман» Средней Азии, по его мнению, служат: религия, обычаи, язык, этническая однородность и положение местной интеллигенции. Соответственно этому статья делится на пять глав.

Религия. Описывая в этой главе современную религиозную жизнь «мусульман» Средней Азии, автор начинает с сетований на бесчисленные формы преследования и угнетения последователей ислама. Читатель, знакомый с бытом народов Средней Азии, с удивлением узнает о полном отсутствии там духовенства, о запрете всех религиозных книг, включая Коран, и т. п. Выполнению мусульманских ритуальных пятикратных дневных молитв будто бы препятствует невозможность урвать в рабочие часы на производстве время для совершения намаза. Соблюдение 28-дневного поста Рамазан, во время которого разрешается есть и пить только ночью, невозможно якобы из-за того, что все работоспособное население находится в «экономическом закабалении», т. е. работает на государственных предприятиях, в учреждениях или в колхозах, и не может произвольно бросить работу на месяц, чтобы предаться посту и молитвам в домашней обстановке. Как сообщили автору эмигранты, видимо увлекшиеся измышлением «страшных рассказов», в учреждениях и на производстве зорко следят, не постится ли кто-либо из работников; подозреваемого вызывает начальство и устраивает ему испытание — предлагая пищу, чай, папиросы; отказ служит доказательством соблюдения поста и влечет за собой... увольнение с работы! Даже такие, до смешного нелепые выдумки автором вполне серьезно используются в качестве «научных» доводов.

Что касается соблюдения праздника Курбан-Байрам, ритуал которого требует обязательных жертвоприношений животных, то изживание этого праздника Пайпс объясняет уменьшением поголовья овец в Средней Азии и тем, что $\frac{4}{5}$ всего мелкого рогатого скота находится в обобществленном хозяйстве колхозов и в совхозах, а потому может быть использовано для религиозных целей только путем хищения (ч. I, стр. 151).

Далее сообщается о невозможности паломничества в Мекку из Средней Азии ввиду трудностей выезда за границу для частных граждан.

Остановившись на религиозных церемониях, связанных с семейным бытом, автор отмечает, что обряды, соблюдавшиеся при рождении ребенка, на свадьбах, похоронах, все более лишаются религиозного облика и превращаются в простые семейные сборища. Причину этого он видит не в прогрессивном преобразовании бытового уклада, а лишь в недостатке духовенства: эмигранты сообщили ему о наличии в селениях тайных мулл, скрывающихся за должностями колхозных сторожей, рабочих и др. и проводящих религиозные церемонии, в частности брачный обряд «никах», по просьбе

односельчан только в замкнутом семейном кругу, скрытно, ибо они якобы живут «в постоянном страхе разоблачения и ареста» (ч. I, стр. 153).

Старательно описывая различные стороны религиозной жизни широких масс населения Средней Азии, долженствующие свидетельствовать о «политическом гнете», «всеобщем обнищании» и «религиозных гонениях», Р. Пайпс все же не смог не отметить подрыва догм мусульманства, в частности шариата, в среде местного населения, в особенности интеллигенции. Он вынужден признаться, что даже опрошенные им эмигранты оказались неверующими, не знали ни одной молитвы и высказывали убеждение, что все религии, включая ислам,— это разные формы суеверия, далекие от науки, не могут служить средством к достижению прогресса. Но автор понимает это явление по-своему. Он видит в нем лишь развитие идей дореволюционного буржуазно-реформистского движения — джадидизма, выступавшего в условиях феодальной деспотии Бухарского эмирата и Хивинского ханства с их теократическими устоями государственности — за светские реформы, отделение церкви от государства и «европеизацию» образа жизни. Прообразом этой «европеизации» была для них буржуазная Турция, деятельно распространявшая через джадидов реакционную идеологию пантюркизма и стремившаяся к созданию под своим протекторатом единого «тюркского» буржуазно-помещичьего государства. Пайпс преувеличивает значение джадидизма и не видит, что идеология советской интеллигенции Средней Азии ни в коей мере не связана с идейными и политическими стремлениями этой группки буржуазных реформистов, никогда не игравших объективно-революционной роли в национальном движении народов Средней Азии. Тем не менее, заканчивая главу «Религия», автор делает вывод, что ислам разрушался в Средней Азии как советской антирелигиозной политикой, так и отходом от религии местной интеллигенции. Возможность возвращения к шариату кажется столь же невероятной, пишет Р. Пайпс, как возвращение Западной Европы к средневековым теократическим идеалам. «Восстановление гражданской свободы в Средней Азии (!)... могло бы привести к открытию мечетей, восстановлению пятничных молений, появлению мулл, введению религиозного образования для молодежи, но возвращение к прежней, предшествующей 1927—32 гг., религиозной жизни безусловно исключается», — заключает автор (ч. I, стр. 154).

Мы видим, что Пайпс не может не признать факта ослабления роли ислама в жизни населения Средней Азии, однако он не желает согласиться с тем, что процесс широкого распространения атеизма неразрывно связан с победой нового, материалистического мировоззрения, с могучим ростом общедоступных в условиях социалистического государства научных знаний, образованности и культуры. Он предпочитает, к сожалению, как это давно практикуется в буржуазной антисоветской прессе, привлекать для объяснения важных новых явлений культурной жизни народов Средней Азии пресловутые басни о гонениях на религию в Советском Союзе, хотя их абсурдность давно уже доказана свидетельствами многих зарубежных деятелей науки и культуры, побывавших в СССР, знающих современную жизнь среднеазиатских республик и написавших о ней правдивые книги и статьи. Казалось бы, давно пора убедиться ученому — специалисту по русским проблемам, что нельзя так примитивно решать научные вопросы; ему ведь хорошо известно, что свобода религии в СССР не только гарантируется Советской Конституцией, но и существует в действительности.

Реальность в Советском государстве свободы религиозных убеждений и уважения религиозных взглядов каждого человека, каждого народа подтверждается многими неоспоримыми фактами, в том числе и примером среднеазиатских республик, где не осталось и следа от практиковавшихся при царизме ограничений прав мусульманского населения по сравнению с последователями православной христианской церкви. Несмотря на сильное уменьшение численности верующих мусульман за счет роста безрелигиозной части населения, в Советском Союзе, как и в дореволюционной России, существуют Духовные управления, руководящие религиозной жизнью мусульманских общин и духовенства. В СССР имеются четыре таких управления: в Европейской части РСФСР (центр — Уфа); в Средней Азии (центр — Ташкент); на Северном Кавказе и в Дагестане (центр — Буйнакск) и в Закавказье (центр — Баку). Главы этих религиозных учреждений — муфтий² — не назначаются правительством, как это было при царизме, а избираются духовенством и паствой. На местах имеются представители управлений — мухтасибы, которым подчиняются имамы — настоятели мечетей и другие служители культа. Советское государство безвозмездно передало в пользование мусульманских религиозных организаций все мечети, мазары и гробницы почитаемых святых, в том числе и многие имеющие историческое значение памятники архитектуры (мавзолей Куссам-ибн-Аббаса в Самарканде, шейха Бахауддина в Бухаре, Палван-Ата в Хиве и др.). Материальные средства, получаемые от добровольных пожертвований прихожан, расходуются исключительно по усмотрению религиозных организаций; значительная часть их идет на содержание медресе, функционирующих в Бухаре и Ташкенте, на издание религиозной литературы³ и т. д. Паломничество в Мекку — хадж — не встречает препятствий в нашей стране. Более того, уже в течение пяти лет ежегодно совершает специальный рейс из СССР в Мекку самолет с паломниками. Практи-

² В Баку Духовное управление возглавляется шейх-уль-исламом — шиитом; его заместителем является муфтий — суннит.

³ Последнее издание Корана вышло в Ташкенте в 1956 г.

куется обмен студентами медресе среднеазиатских республик и высших духовных учебных заведений зарубежных стран Востока; например в Каире обучается в настоящее время группа духовных лиц из Советского Союза. В то же время всем известна активная роль мусульманского духовенства СССР в борьбе за мир. Многие его представители в составе советских делегаций выезжают в зарубежные страны и принимают деятельное участие в поддержке движения народов Азии и Африки за свою национальную независимость и свободу.

Можно было бы значительно увеличить список фактов, опровергающих клеветнические слухи о религиозных гонениях на мусульман в СССР. Однако нам кажется, что они без того хорошо известны автору рецензируемой статьи, умышленно избегающему исторической правды, невыгодной для его искусственных «теоретических построений».

Обычаи. Рассматривая национальные традиционные обычаи и материальную культуру населения Средней Азии, Р. Пайпс не отступает от своего основного предвзятого, чудовищно нелепого положения о всестороннем угнетении национальной культуры в республиках Средней Азии. Поэтому он не исследует пути развития национальных форм быта в условиях советского строя, а лишь с удовлетворением «доказывает» стойкость ряда национальных традиций (т. е. по существу ломится в открытые двери) и пытается объяснить со своей точки зрения причины того, почему все же они сохранились, несмотря на общую обстановку национального гнета «советской политики» (ч. I, стр. 155, 158). В этом разделе мы встречаем описание многих бытовых явлений, известных по советской этнографической литературе, но трактовка их Пайпсом поражает своей политической тенденциозностью. Так, автор, указывая, что Советское правительство «под предлогом (!) унижения калымом достоинства женщин издало закон о запрещении этого обычая», самое изживание калыма объясняет массовым «обеднением» населения. «Какой казах теперь располагает 50 лошадьми или овцами для уплаты калыма!» — демагогически восклицает автор, для которого, разумеется, вообще не существует иного понятия собственности, кроме частной, а многомиллионная социалистическая собственность колхозов является пустым звуком и отнюдь не принимается во внимание.

Изживание косности и отсталости старых семейно-брачных обычаев автор объясняет отнюдь не социалистическим преобразованием быта, а тем, что мусульмане Средней Азии берут пример в переустройстве своего быта с «более передовых» соседних мусульманских стран. Поневоле вызывает улыбку скромность перечня тех изменений в культуре населения Средней Азии, которые были вызваны «благодаря общению с русскими»: в пище это выражается в пополнении ее такими «новыми продуктами, как картофель, хлеб и вареные яйца», а также в том, что местные жители часто «бывают вынуждены» «в государственных ресторанах (!) есть русскую пищу, включая свинину». В числе предметов бытовой утвари современное население Средней Азии, оказывается, широко заимствует у русских такие «полезные предметы», как... керосиновые лампы, самовары и железные печи. Автор, видимо, почерпнул эти сведения из дореволюционной литературы, ибо сейчас в список новых предметов сельского быта можно включить, например, помимо электроламп и электроприборов, повсеместно распространенные радиоприемники, телевизоры, патефоны, книжные шкафы и этажерки и целый ряд других вещей, совсем не встречающихся еще, к сожалению, в быту крестьянства «более передовых» соседних мусульманских стран и лучше свидетельствующих о культурном уровне населения, чем самовары и керосиновые лампы, бытующие в Средней Азии, как известно, с XIX в.

Общий вывод, который делает автор статьи, сводится к тому, что местные традиции сохранились и соблюдаются больше, чем религиозные обычаи. Причин этому, по его мнению, три: во-первых, значительная часть местного населения (в частности, жители степных районов) испытала лишь поверхностное влияние ислама и оставалась верна старинным обычаям, корни которых глубже религиозных обрядов ислама. С этим выводом нельзя не согласиться. Во-вторых, Р. Пайпс считает, что традиционные обычаи в целом легче, чем религиозные, могут быть видоизменены и согласованы с требованиями европеизированного светского быта. С этим выводом можно согласиться не вполне, ибо среди древних традиций далеко не все сохраняются как элементы современной культуры советских социалистических наций. Многие архаические изуверские обычаи и обряды совершенно не совместимы с образом жизни культурных граждан нашей страны. Третьей и едва ли не главной причиной, по мнению автора, является то, что если коммунизм враждебен религии, то к национальным обычаям Советское правительство относится более терпимо: их соблюдение, как правило, не запрещается; хотя их и стараются «уничтожить», но действуют при этом более осторожно, путем разностороннего влияния на население, которое, однако, противостоит этим попыткам Советской власти и, идя на некоторые компромиссы, все же проявляет упорное сопротивление в борьбе за сохранение национальных традиций.

Излишне пояснять, что все эти построения о «борьбе» и «сопротивлении» ломке национальных традиций искусственны, ибо в Советском Союзе подлинно народные традиции никогда не преследовались, а, наоборот, всячески поддерживались и развивались.

Язык. Если во всей статье Р. Пайпса и в разделе «Религия» проявляются элементы столь популярных в буржуазном востоковедении США панисламистских концепций, выражающихся, в частности, в космополитическом нигилизме по отношению к советским социалистическим нациям Средней Азии, то в разделе «Язык» отражено

влияние пантюркизма: автор и среднеазиатские нации, и их языки считает искусственной конструкцией национальной политики Советского государства. Он пишет, что, за исключением таджиков, все мусульмане Средней Азии говорят на локальных тюркских диалектах, находившихся, как он полагает, еще до революции на пути формирования в единый тюркский литературный язык населения Средней Азии. Этому процессу якобы помешала советская языковая политика, в задачу которой, по мнению Пайпса, входило прежде всего предотвращение возможности формирования единого тюркского языка в Средней Азии. Из этих соображений будто бы и были использованы даже минимальные диалектные различия между тюркскими языковыми подгруппами для предоставления прав полноценных национальных литературных языков «локальным вариантам одного и того же тюркского языка» (ч. 1, стр. 159).

Странно, почему при этом Р. Пайпс, историк и лингвист, забывает, что еще за десятки лет до образования Советского государства, на протяжении всего пути развития русской и мировой науки, вплоть до появления пантюркизма никто даже из самых реакционных буржуазных ученых не доходил еще до такой грубой подтасовки научных этнографических фактов, чтобы рассматривать все тюркоязычное население Средней Азии как аморфную массу, а их языки — как единый тюркский язык с «минимальными диалектными различиями» и не признавать самобытности таких, сформировавшихся еще в средние века народностей, как узбеки, туркмены и др. Впрочем, как будет видно из содержания следующих разделов статьи, пантюркистские концепции вполне устраивают автора в его политических прогнозах, касающихся перспектив развития Средней Азии.

Что касается значительного распространения русского языка и наличия двуязычия у большинства населения среднеазиатских республик, хорошо знающего, помимо родного, и русский язык, то необходимо учитывать, что это явление существует параллельно с бурным развитием национальной культуры, языка и литературы. Известно, что и бытовым, и государственным языком в республиках Средней Азии является национальный язык соответствующего народа; поэтому столь необдуманно звучат «выводы» Пайпса о том, что языком «деловым» и средством для достижения служебной «карьеры» служит только русский язык. Как и у всех других народов Советского Союза, у народов Средней Азии русский язык играет прежде всего огромную роль в культурной, научной и общественно-политической жизни. Он способствует их межнациональным связям, приобщению к мировой культуре и культуре русского народа, возглавившего под руководством Коммунистической партии борьбу против царизма, борьбу за победу социалистической революции и реализацию ленинской национальной политики, которая привела к расцвету экономики и культуры республик Средней Азии, неуклонно развивающихся в годы Советской власти в содружестве с другими братскими республиками СССР как суверенные национальные государства.

Этническая однородность «мусульман» Средней Азии. В первой части этого раздела статьи автор на основании статистических данных, дореволюционных и советского времени, характеризует постепенный приток русского населения в Среднюю Азию и Казахстан и рост его удельного веса среди местного населения. Он приводит данные о переселенческой политике царизма, о значении столыпинской реформы для роста переселенческого движения, о появлении в Средней Азии и Казахстане обособленных русско-украинских деревень. Однако, анализируя статистические данные, он приходит к выводу, что, невзирая на активную переселенческую политику, до революции удельный вес русских в Туркестане был еще очень невелик: «мусульмане» составляли здесь более 90% жителей. Последующие изменения в соотношении русского и местного населения, а именно рост удельного веса русских в 1926 г. до 19,7% а в 1939 г. до 27,1% (последняя цифра, за отсутствием официальных данных переписи 1939 г., вычислена самим автором путем сложных демографических расчетов и сопоставлений), Р. Пайпс объясняет мероприятиями Советской власти, связанными якобы с намеренным внедрением в среду местного населения значительного числа русских в целях руссификации. Именно в таком аспекте автор склонен рассматривать экономические факторы, естественно способствовавшие в годы Советской власти притоку инонационального, и в частности русского, населения в Среднюю Азию: постройку Туркестано-Сибирской железной дороги, развитие индустриальных центров, и даже... начавшееся в 1952 г. движение за освоение целинных земель. Последнее автор со всей серьезностью пытается характеризовать как «новую программу организации русских и украинских поселений в казахских степях» и включает в число мифических «руссификаторских предприятий» Советского правительства, забывая, кроме всего прочего, о том, что это могучее движение охватило все республики Советского Союза, в том числе и все среднеазиатские республики, уроженцы которых составляют значительный процент в славной армии освоителей целины.

Рассмотрев статистические данные, автор говорит, что они могли бы свидетельствовать об угрозе полной этнической ассимиляции и руссификации местного населения, но что для такого вывода недостаточно одной лишь демографической статистики. Следует выяснить вопрос не только о том, сколько русских переселилось в Среднюю Азию, но и о том, насколько сильно их «денационализирующее» влияние на «мусульман», осуществляемое путем взаимных браков, социального контакта, культурного взаимодействия и других средств. Этой теме уделяется очень много места в статье. Здесь, как и в предыдущих разделах, автор старается доказать, что «этническая однородность» «мусульман» Средней Азии все же сохраняется, но лишь благодаря

устойчивости традиций их единства в условиях борьбы с вымышленными Пайпсом настойчивыми попытками Советского правительства разрушить эту целостность и всеми средствами осуществить ассимиляцию населения Средней Азии русскими. Эта искусственная и предвзятая предпосылка исследования обосновывается столь же искусственными аргументами; немудрено, что последние нередко искажают действительность и имеют явно клеветнический характер. Вот основные из этих «аргументов». Несмотря на большой наплыв русских в советский период, до сих пор сохраняется обособленность их поселений от местных жителей как в сельских местностях, так и в городах. Пайпс приводит противоречащие действительности утверждения об отсутствии в Средней Азии и Казахстане колхозов со смешанным этническим составом, о том, будто в колхозах, организованных из русских и украинцев — жителей прежних переселенческих поселков, отсутствуют казахи и киргизы (за исключением пастухов), а в казахских колхозах русских можно встретить лишь среди врачей, библиотекарей и т. п. На это можно возразить, что, несмотря на ненадобность и полное отсутствие стремлений к обязательному внедрению в состав колхозов русского национального элемента, в Средней Азии и Казахстане немало колхозов именно такого «смешанного» типа, наличие которого отрицает Пайпс, ссылаясь на «авторитет» своих информаторов-эмигрантов. На основании материалов этнографического исследования современного быта колхозного крестьянства Средней Азии, проводимого Институтом этнографии АН СССР и академиями наук среднеазиатских республик, можно привести неограниченное число примеров существования уже в течение многих лет русско-казахских, русско-киргизских, русско-таджикских и других смешанных колхозов⁴. Ориентация на сообщения информаторов-эмигрантов приводит автора к ложному выводу и о характере расселения городских жителей. Описав типичное для большинства дореволюционных среднеазиатских городов деление на две части — европейскую и «туземную», Пайпс утверждает, что и теперь русское население продолжает жить в европейской части городов, а местное — в «старом городе», но сейчас будто бы созданы, кроме того, новые, «советские» части города — на границе между старым и новым, где живут преимущественно советские служащие и другие представители «привилегированного» населения — как русские, так и местной национальности. Таким образом, заключает Пайпс, теперь города делаются не на две, а на три части: «оставшиеся в неприкосновенности» русскую и туземную и третью — смешанную, в которой все же «преобладают европейцы» (ч. 2, стр. 299). Этим автор пытается опровергнуть факты, настолько очевидные и наглядно доказуемые, что приходится удивляться той смелости, с какой он хочет их обойти. Известно, что социалистические преобразования городов Средней Азии в первую очередь коснулись ликвидации пресловутой грани между их «европейской» и «азиатской» частями — наследием колониального прошлого — и что давно уже в бывших «туземных» частях городов высятся великолепные здания государственных, культурных, научных учреждений и многочисленные дома, в которых живут, как и в бывшем «новом» городе, совместно, в одних домах, а иногда и квартирах, семьи русские и местных национальностей. Нечего и говорить, что утверждение о создании какого-то особого третьего «советского» сектора в среднеазиатских городах является абсурдным вымыслом, в чем легко убедиться любому побывавшему в республиках Средней Азии и в Казахстане.

Но этим не ограничиваются ложные свидетельства, особенно обильные в данной главе. Автор приступает к анализу сведений о смешанных браках и сообщает удивительные для каждого знающего быт народов Средней Азии вещи: оказывается, там нет смешанных браков между жителями местных национальностей и русскими. Брак девушки-мусульманки с русским «нельзя себе и представить», пишет Пайпс; таких девушек убивают, ибо смешанный брак считается «оскорблением семьи и нации»: информаторы-эмигранты сообщили автору, что не знают ни одного случая выхода замуж «туземной» девушки за русского, что это привело бы к исключению такой смешанной семьи и из «мусульманского», и из русского общества (ч. 2, стр. 300). Словом, автор всеми силами пытается доказать абсолютную невозможность и отсутствие такого реально бытующего и повсеместно распространенного в Средней Азии явления, как смешанные браки, являющиеся одним из наиболее ярких свидетельств безвозвратного ухода в прошлое былой отчужденности, неприязни и национальной вражды между народами Средней Азии и русским населением, имевших место в дореволюционном Туркестане в условиях колониальной политики царизма.

Нам осталось рассмотреть последнюю тему статьи Ричарда Пайпса — его главу

⁴ В частности, в материалах Памиро-Ферганской и Киргизской экспедиций Института этнографии АН СССР имеются относящиеся к 1951—1954 гг. данные о целом ряде смешанных русско-украинско-киргизских колхозов в Джалал-Абадской и Ошской областях Киргизской ССР. В Южно-Казахстанской области КазССР колхоз «Коммунизм» объединяет бывший переселенческий поселок Ново-Николаевка с украинским населением и казахский аул Кумыс-бастау; в этом колхозе председатель, заместитель председателя, агроном и директор школы — казахи, хотя в колхозе казахов даже меньше, чем украинцев. В Таджикистане в колхозе им. Ленина Сталинабадского района, где председателем работает Герой Социалистического Труда Хамаджан Назаров, трудятся люди семи национальностей — узбеки, таджики, киргизы, татары, украинцы, русские, бухарские евреи (см. «Литературную газету» от 11 марта 1958 г.).

«Интеллигенция». Остановившись сперва на характеристике дореволюционной «мусульманской» интеллигенции, националистических, вернее пантюркистских, тенденций которой автор не скрывает, он пишет, что после революции путем «периодических чисток» она была постепенно отстранена от службы в советских учреждениях и заменена новой, получившей советское образование и воспитание (soviet educated).

Не желая правдиво осветить роль советской интеллигенции местных национальностей в жизни республик Средней Азии, Пайпс высокомерно отказывается признать ее культурную полноценность. Между тем известно, что многочисленная, высококвалифицированная советская интеллигенция представляет собой огромную культурную силу в среднеазиатских республиках. В одном лишь Узбекистане существуют, помимо Академии наук УзССР, Академия сельскохозяйственных наук, 32 вуза (в том числе два университета) и 102 техникума; только за 1956 и 1957 гг. высшие и средние специальные учебные заведения Узбекской ССР подготовили более 50 тыс. квалифицированных специалистов: по числу студентов на каждую тысячу человек населения республика опередила США и Англию, а Францию, Федеративную Республику Германии и Италию обогнала более чем в два раза⁵.

В Казахстане, который Пайпс пытается характеризовать как страну, по-прежнему отсталую и нищую, населенную кочевниками-скотоводами, «насиленно» переведенными на оседлость, — работают 25 вузов и 134 техникума, готовящие тысячи специалистов по разным отраслям науки, техники и культуры⁶. Крупнейшими научными центрами являются Академия наук Казахской ССР, Казахский государственный университет, республиканская Академия сельскохозяйственных наук. Во всех республиках Средней Азии наряду со сложнейшими вопросами развития производительных сил и другими — изучаются и проблемы истории, литературы, искусства.

На фоне этих данных, свидетельствующих о высоком уровне образованности и культуры, смехотворно выглядят суждения Пайпса на то, что интеллигенция Средней Азии «прискорбно невежественна в вопросах истории Средней Азии», потому что Советское государство якобы намеренно тормозит развитие исторической науки с целью подрыва местного национализма. В этих условиях, однако, пишет он, в среде местного населения распространяется «совершенно искаженная, вымышленная концепция среднеазиатской истории», неправомерно возвеличивающая и идеализирующая прошлое народов Средней Азии. Этим клеветническим утверждением Р. Пайпс пытается свести на нет известные научной общественности всего мира огромные достижения советских историков в области археологии и истории Средней Азии, позволившие воссоздать доселе не изученные периоды первобытности, рабовладельческого строя, а частично и феодализма.

* *
*

Известно, что панисламизм и пантюркизм широко используются империалистическими государствами в своих политических целях. Многие империалистические страны в связи с этим проявляют большой интерес к исламу и становятся ревностными оборонщиками и «защитниками» мусульман. В частности, в США целый ряд научных обществ и институтов заняты изучением проблем ислама, содействуют пропаганде реакционных идей панисламизма и оказывают активную помощь панисламистским организациям.

Панисламистские концепции пронизывают и статью Р. Пайпса, пытающегося «научно» доказать возможность политического обособления среднеазиатских народов от Советского Союза. Эти концепции отражаются в основных тезисах его статьи — в космополитическом объединении всех народов Средней Азии под общим названием «мусульман», в стремлении доказать невозможность общих интересов и тесного общения «мусульман» с русскими и другими «неверными», в попытках путем фальсификации фактов убедить в существовании притеснений и гонений на «мусульман», в политике, якобы угрожающей существованию ислама и т. д. Поэтому претензия статьи на «объективность» не может замаскировать активного призыва к объединению народов Средней Азии против Советского государства. Ту же политическую направленность имеют характерные для пантюркизма положения о полном единстве языка и культуры всех тюркоязычных народов, о якобы «искусственной» конструкции социалистических наций в Советской Средней Азии и о целесообразности создания между Россией, Китаем и Индией «буферного» «тюркского мусульманского государства». Впрочем, в последнем вопросе Пайпс впервые решает проявить некоторую осторожность в «прогнозах» и заявляет: «нельзя предвидеть, случится это или нет».

Кажется странным и удивительным, что Ричард Пайпс, претендующий на то, чтобы считаться ученым — историком и лингвистом, сотрудник некоего «Русского исследовательского центра», имеющий возможность широко пользоваться точной информацией и достаточно уже богатой мировой и советской литературой по истории, культуре, быту, национальным взаимоотношениям народов Советской Средней Азии, имеющий полную возможность убедиться в лживости и клеветническом характере эмигрантских показаний, которыми он, по его словам, почему-то «вынужден» (?) пользоваться, вместо

⁵ Газ. «Правда Востока» от 28 и 29 декабря 1957 г.

⁶ «Казахская ССР. Экономико-географическая характеристика», М., 1957, стр. 147.

разработки достоверных материалов для действительно научного исследования поставленной им интересной теоретической проблемы предпочел написать «научнообразную» антисоветскую статью, одинаково далекую и от науки, и от жизненной правды.

Неужели Ричард Пайпс так уж не осведомлен в политике, что не понимает безнадёжной тщетности своих призывов к народам советских социалистических республик Средней Азии выйти из СССР — братского содружества равноправных социалистических наций, в составе которого на пути к победе коммунизма с каждым годом все более расцветает их экономика, материальное благополучие, культура, искусство, неуклонно расширяется и укрепляется национальная советская государственность, их суверенитет и могущество, растет интернациональная солидарность и прочная нерушимая дружба с трудящимися всего мира?

Неужели не видит Ричард Пайпс смехотворности своего вывода о возможности создания «буфера» между Советской страной и ее дружественными соседями — демократической Индией, с которой все более многообразными и тесными становятся культурные связи народов СССР, и Великим Народным Китаем, у которого по словам Мао Цзэ-дуна, «единая судьба и единое дыхание с Советским Союзом и всем социалистическим лагерем»?

Т. А. Жданко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЖУРНАЛЕ «ОСЕАНИЯ»

(1955—1956)

Журнал «Oceania», посвященный изучению коренного населения Австралии, Новой Гвинеи и островов Тихого океана, начал выходить в 1930 г. Он является органом «Австралийского национального исследовательского совета» (Australian National Research Council) и в настоящее время выходит под редакцией А. П. Элькина, известного исследователя австралийских аборигенов. Каждый том журнала состоит из четырех номеров, причем первый номер выходит в сентябре. Наша рецензия охватывает восемь номеров (за 1955 и 1956 гг.). Этого достаточно, чтобы познакомиться с тем, что представляет собой журнал в настоящее время, и оценить его направление.

Журнал «Oceania» является основным этнографическим периодическим изданием в Австралии и хорошо известен этнографам всего мира, изучающим народы Австралии и Океании. За более чем четверть века его существования в нем было помещено немало ценных этнографических материалов, главным образом по Австралии, Новой Гвинее и Меланезии (народам Полинезии в основном посвящен «Журнал Полинезийского общества» (The Journal of the Polynesian Society), издающийся в Новой Зеландии).

Состав авторов журнала, более или менее постоянный из года в год, отражает малочисленность этнографических сил, работающих на поприще австраловедения и океанистики. Нередко редакция помещает статьи лиц, далеких от науки, но соприкасающихся с коренными народами Океании, например колониальных чиновников. Если в 1930—1940-е годы журнал публиковал большое количество работ и материалов, посвященных аборигенам Австралии, то в послевоенные годы для него характерен все возрастающий интерес к народам Новой Гвинеи, особенно ее внутренним, еще мало исследованным районам. Изучение коренных австралийцев в последние годы стало менее интенсивным. В то же время некоторые этнографы, внесшие значительный вклад в изучение австралийцев (например, Р. Берндт), переключились на изучение папуасов Новой Гвинеи.

По-прежнему положительной стороной журнала является богатство конкретного полевого материала и разносторонность проблем. Недостаток журнала — очень слабое освещение теоретических вопросов и вообще бедность теоретической мысли. Это видно из ряда примеров. Так, за два года здесь была напечатана только одна теоретическая статья — «Понимание примитивных народов»¹. Автор статьи С. Ф. Надель, австриец по происхождению, музыковед и этнограф, многие годы работал в Англии и Африке, а затем переселился в Австралию, где недавно скончался. Кроме большого количества работ по этнографии африканцев, он известен также как автор книги «Основы социальной антропологии»². Положительная сторона упомянутой статьи состоит в том, что ее автор призывает западных этнографов к пересмотру старых взглядов и позиций, к углубленной теоретической работе. Но взгляды, высказываемые Наделем, в ряде случаев противоречивы. Так, в одном месте он пишет, что главным объектом «социальной антропологии» являются «примитивные» народы, а в другом, что и

¹ S. F. Nadel, Understanding primitive peoples, «Oceania», т. 26, № 3, 1956.

² S. F. Nadel, The foundations of Social Anthropology, London, 1951.